

и принес к ним в съездею избу. И они *те пищали* взяли в государеву казну. 1636 г.<sup>85</sup>

Резкое уменьшение активности, хотя и не исчезновение, термина *самопаль* происходит, как показывают последние из приведенных нами контекстов, в условиях ослабления противопоставленности терминов *самопаль*, с одной стороны, и *пищаль* (реже *мушкетъ*) — с другой. Условия же эти возникли, естественно, только тогда, когда искровой (а не фитильный) воспламенительный механизм (кремнево-ударные замки) возобладал окончательно и распространился на все виды огнестрельного ручного оружия и когда, следовательно, стала отпадать необходимость противопоставления самопала пищали.

Это дает возможность, опираясь на историко-лексикологические факты, констатировать, что в истории Русского государства новый способ воспламенения у ручного огнестрельного оружия, появившись в 60—70 гг. XVI в., утвердился окончательно к началу второй трети XVII в.

Слово *пищаль*, которое стали употреблять в значении 'ручное огнестрельное оружие' еще за столетие до появления слова *самопаль* и которое не являлось специфическим, подчеркнутым обозначением самопального ружья, оказалось в изменившихся ко второй трети — середине XVII в. условиях значительно более подходящим термином и потому стало предпочитаться слову *самопаль* 'пищаль с искровым воспламенительным механизмом'.

Л. А. Сараджева

## О НЕКОТОРЫХ АРМЯНО-СЛАВЯНСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ

### 1. Арм. *buṛn* 'бурный, буйный' и праслав. *\*burъnъ* 'бурный, грозовой'

Исследователю, занимающемуся вопросами армяно-славянских отношений, бросается в глаза сходство между арм. *buṛn* 'бурный, буйный' и праслав. *\*burъnъ* 'бурный, грозовой', однако по тем или иным причинам эта параллель до сих пор не получила специального освещения.

Армянское слово *buṛn* в словаре Р. Ачаряна<sup>1</sup> без достаточного основания отождествляется с *buṛn* 'кулак, горсть' как его дальнейшее метафорическое переосмысление через значение 'власть, тирания'.

Впервые армянское слово *buṛn* 'бурный, буйный' отделил от *buṛn* 'кулак, горсть' Г. Б. Джаукян<sup>2</sup>, возводя его к и.-е. *\*bher-*

<sup>85</sup> Русско-монгольские отношения. 1607—1636. М., 1959, с. 289.

<sup>1</sup> Ачарян, с. 486.

<sup>2</sup> Джаукян Г. Б. Армянский и древние индоевропейские языки. Ереван, 1970, с. 88 (на арм. яз.).

‘волноваться’<sup>3</sup> и сопоставляя с догреч. (иллир.) βορέας ‘северный ветер’. Он выражает лишь сомнение по поводу восхождения праслав. \*bur’a к и.-е. \*bher-, которое, однако, Вл. Георгиев<sup>4</sup>, в свою очередь, сравнивает с догреч. βορέας и возводит последнее к \*bhurejā-s.

Традиционно праслав. \*bur’a — в том числе производное \*burъnъ ‘бурный, грозовой’ и его континуанты: ст.-слав. бурънъ, прилаг. ‘грозовой, бурный’, болг. бѹрен, прилаг. ‘бурный’; макед. бурен, прилаг. то же; диал. бурен ‘ощетиненный’; с.-хорв. диал. бѹран 1) ‘дождливый’, 2) ‘грозовой’, 3) ‘бурный, беспокойный, шумный’, словен. būren, прилаг. ‘бурный’; польск. стар. burznu, чеш. bouřný, прилаг. ‘бурный, грозовой’, диал. buřnej ‘дикий’; словц. būrny, прилаг. ‘бурный’; др.-рус., ц.-слав. бѣрънии ‘неукротимый, бурный’, рус. бѹрный 1) ‘сопровожаемый бурей’, 2) ‘буйный, неукротимый’; ст.-укр. бурный, прилаг. (от буря)<sup>5</sup> — сравнивают с лит. bauriot ‘мычать, реветь (о волах)’, далее с др.-исл. byrr ‘попутный ветер при плавании’<sup>6</sup>, норв. būra ‘реветь (о неистовствующих волах)’, др.-ирл. būrach ‘мычание (быка)’<sup>7</sup>, возможно родственно также лат. furō, furīō ‘бушевать, неистовствовать’. Однако общепринятого мнения об отнесении праслав. \*bur’a к единой индоевропейской праформе не существует, и этот вопрос фактически остается открытым. Так, Ст. Младенов<sup>8</sup> возводит праслав. \*bur’a к и.-е. \*bhō-, что справедливо отвергается некоторыми учеными. Восстановление для праслав. \*bur’a праформы \*bhegr- считается сомнительным ввиду соседства двух сонантов<sup>9</sup>. Существует также точка зрения, согласно которой праслав. \*bur’a восходит к и.-е. \*bhūr- при \*bh<sub>g</sub>r- или \*bh<sub>g</sub>- от \*bher-<sup>10</sup> (ср. с праформой \*bhurejā-s, восстанавливаемой Вл. Георгиевым для догреч. βορέας). При этом праслав. \*bur’a сближается с др.-инд. bhurāti ‘быстро двигаться’, что, однако, вызывает сомнение у М. Майрхофера<sup>11</sup>. Следует заметить, что Майрхофер не учитывает сходства между слав. \*burъnъ и др.-инд. bhūrṇih ‘дикий, гневный, ярый’ из \*bh<sub>g</sub>ṇi-, которое является нулевой ступенью из и.-е. \*bher- ‘волноваться’<sup>12</sup>.

Привлечение армянского материала дает возможность по-новому рассмотреть вышеприведенные факты.

1) В пользу сближения арм. burn ‘буйный, бурный’ и праслав. \*burъnъ ‘бурный, грозовой’ говорит прежде всего сам факт семантической близости, в то время как приводимые соответствия

<sup>3</sup> Pokorny, S. 132.

<sup>4</sup> Georgiev VI. Vorgriechische Sprachwissenschaft I, Sofia, 1941, S. 82.

<sup>5</sup> ЭССЯ 2. с. 97—98, 100—101 (с литературой).

<sup>6</sup> Trautmann, S. 28.

<sup>7</sup> Walde-Hofmann I, S. 571.

<sup>8</sup> Младенов, 50.

<sup>9</sup> ЭССЯ 3, 99: ср. также Mayrhofer II, S. 509.

<sup>10</sup> Walde—Pokorny II, S. 191; Walde—Hofmann I, 571.

<sup>11</sup> Mayrhofer II, S. 508—509.

<sup>12</sup> Pokorny, S. 132.

между славянским, балтийским, германским, кельтским и латинским, по нашему мнению, в семантическом отношении отстоят значительно дальше, чем арм. *buṙn* 'бурный, буйный'. Если к этому добавить др.-инд. *bhūrṇih* 'гневный, ярый', то их семантическая близость окажется еще более явной.

2) Армянский, славянский и древнеиндийский объединяются общностью в образовании основы (суф. *-n*), что отражает диалектные явления, восходящие к индоевропейской эпохе: ср. арм. *buṙn*, праслав. *\*burъnъ*, др.-инд. *bhūrṇih*. При этом важно отметить, что в армянском, по-видимому, имеется и бессуффиксальная форма, относящаяся к этому же корню: *br-or* < *\*bhur-* 'мутный'<sup>13</sup>. В результате между праслав. *\*burъnъ* и *\*bur'a*, др.-инд. *bhūrṇih* и *bhurāti* такое же соотношение, как между арм. *buṙn* и *br-or*.

Таким образом, на основании вышеприведенного материала, можно констатировать диалектную армяно-славо-индийскую лексическую изоглоссу *buṙn* — *\*burъnъ* — *\*bhūrṇih*, характеризующуюся общностью семантики и основообразования.

## 2. Арм. *p'ayl* 'блеск', праслав. *\*pol-men* 'пламя'

Традиционно праслав. *\*pol-men* 'пламя'<sup>14</sup> и связанные с ним праслав. *\*polpolati* 'пылать, гореть', *\*paliti* 'жечь, палить'<sup>15</sup> через посредство праслав. *\*pepeľь*<sup>16</sup> сопоставляются с лит. *pelenai* 'зола', др.-прус. *pelanne*, лтш. *pelni* в том же значении<sup>17</sup> и дальше с лат. *pollen* м., ср. р., *pollis* м., ж. р. 'мука тонкого помола', *pulvis* 'пыль', греч. *πάλη* 'пыль'; 'мелкая мука', *καί-πάλη* 'мука тонкого помола'<sup>18</sup> и возводятся к и.-е. *\*pel-* 'пыль, мука'<sup>19</sup>. Сюда же с сомнением относят и алб. *pjalme* 'столб пыли'<sup>20</sup>. Как видно из приведенных примеров, понятия, связанные с огнем, представлены только в славянском и балтийском. Дальнейшие параллели семантически неубедительны, между тем как для праслав. *\*pol-men* 'пламя', *\*polpolati* 'пылать, гореть', *\*paliti* 'жечь' и их континуантов в славянских языках можно указать на семантически более близкие параллели в армянском, такие как *p'ayl* 'блеск', *p'aylem* 'ярко гореть, блестеть', *p'alpatim* 'блестеть'; *poľem* и *p'oľp'oľem* в том же значении<sup>21</sup>, продолжающие и.-е. *\*(s)p(h)el-* 'блестеть', откуда и др.-инд. *spulinga* 'искра', лит. *spulguđt* 'блестеть, сверкать', *spulgis* 'утренняя звезда', греч.

<sup>13</sup> Джаукян Г. В. Этимологии. — Историко-филол. журнал АН Арм. ССР, 1965, № 1, с. 253; Он же. Этимологии. — Вестник Ереванского госуд. ун-та, 1971, № 1, с. 50.

<sup>14</sup> Фасмер III, с. 273.

<sup>15</sup> Там же, с. 308.

<sup>16</sup> Там же, с. 234.

<sup>17</sup> Fraenkel, S. 566—567.

<sup>18</sup> Walde—Hofmann II, S. 231; Trautmann, BSW, S. 212 und f.

<sup>19</sup> Pokorny, S. 802.

<sup>20</sup> Trautmann BSW, S. 213 und f.

<sup>21</sup> Ачарян IV, с. 476, 477.

σπληδός 'зола, пепел', др.-лит. *splédžu*, *splédėti* 'светить', др.-ирл. *lëss* 'свет' < \**lanssu-* < \**pländtu-*<sup>22</sup>.

В отношении семантического перехода, отмечаемого в славянском 'блеск' → 'пламя', ср., с одной стороны арм. *p'aylem* 'блестеть, ярко гореть', с другой — лат. *lucēō* 1) 'светить', 2) 'зажигать'<sup>23</sup>, кельт. (гэльск.) *aingeal* 'свет, огонь'<sup>24</sup>.

В структурном плане славянские слова обнаруживают по отношению к армянскому следующие общие черты: 1) наличие в армянском и славянском редупликации: арм. *p'otp'otem* — праслав. \**polpolati*, 2) наличие чередующихся форм корневой морфемы: арм. *p'ayl*, *p'aylem* и *p'otem*, *p'otp'otem* — праслав. \**paliti* и \**polpolati*; 3) упрощение начальной группы консонантов: \*(*s*)*p(h)* > *p(h)*; 4) сохранение недетерминированных форм так же, как и в др.-инд. *shulinga* 'искра', в отличие от балтийского, греческого латинского и кельтского, где представлены производные формы с детерминативами \**g* и \**d*. Это позволяет сделать вывод о большой древности рассматриваемой армяно-славянской параллели.

### 3. Арм. *t'ezan* 'продольная нить, основа ткани', 'рукав'; праслав. \**stegati* 'стегать'

Арм. слово *t'ezan*, относящееся к терминологии ткачества, не имеет до настоящего времени убедительной этимологии<sup>25</sup>. Оставляя в стороне донаучные попытки этимологизации этого слова, можно указать лишь на попытку Х. Петерссона<sup>26</sup>, который восстанавливает для армянского *t'ezan* праформу \**teg'h-* на основании такой сомнительной параллели как рус. диал. (орл., ворон.) *тазатъ* 'бранить'<sup>27</sup>.

Если арм. *t'ezan* имеет действительно индоевропейское происхождение, то восстанавливаемая Х. Петерссоном праформа \**teg'h-* правомерна, только с допущением существования дублетной формы от и.-е. непалатализованной основы \*(*s*)*teg(h)-* / \*(*s*)*tog(h)-* 'палка'; 'колоть'<sup>28</sup>, откуда развилась ткаческая терминология и в славянском (ср. праслав. \**steg-*, \**stog-* и его континуанты: праслав. \**stegati* 'стегать, делать шов', ст.-слав. *остегъ* 'одежда', *остежъ* 'плащ', рус. *стегать*, *стежок* 'шов', чеш. *steh*, польск. *ścieg* в том же значении)<sup>29</sup>. Аналогичные примеры существования дублетных форм прослеживаются и в других языках сатемного типа, в частности, славянских, что неоднократно освещалось в на-

<sup>22</sup> Pokorny S. 987.

<sup>23</sup> Там же, с. 687.

<sup>24</sup> Там же, с. 141.

<sup>25</sup> Ачарян II, с. 168.

<sup>26</sup> Petersson H. Arische und armenische Studien. Lund, 1920, S. 133—134.

<sup>27</sup> Фасмер IV, с. 10.

<sup>28</sup> Там же III, с. 751.

<sup>29</sup> Ср.: Георгиев В. Исследования по сравнительно-историческому языковедению. М., 1958, с. 30—36.

учной литературе<sup>30</sup>. Исходя из этой точки зрения можно констатировать наличие такой дублетной формы для  $*(s)teg(h)$ - с палатализованной заднеязычной  $*g'h$ , если при этом учесть армянские диалектные формы, относящиеся к этому же корню и также связанные с терминологией ткачества: ср. арм. диал. *stec(stēc)* 'короткий шест в ткацком станке, на котором закрепляли пряжу'<sup>31</sup>. В итоге мы получаем следующее соотношение: непалатальный  $*(s)teg(h)$ - / палатальный  $*(s)teġ(h) > t'ezan$ ; непалатальный  $*steg-$ , *steig-* / палатальный  $*steġ-(*steiġ-)$   $> stec(stēc)$ .

Таким образом, если данная этимология правильна, то мы имеем ad hoc любопытный пример, когда на почве армянского и славянских языков развилась явно вторичная терминология ткачества, не имеющая аналогов в других языках: ср. с более далекими по значению параллелями: лит. *stėng-iu* 'напрягаться, делать усилие', гот. *stakins* вин. п. мн. ч. (*stīrjata*) 'наколота отметка; клеймо, пятно, точка'; др.-в.-нем. *stahhula* 'жалю, шип': др.-в.-нем. *stechen* 'колоть', ср.-в.-нем. *stekken* 'втыкать'<sup>32</sup>.

О. Н. Трубочев

## INDOARICA. ЭТИМОЛОГИИ

### Кавказ

Поскольку вероятность кавказского пути миграции индоарийцев из Юго-Восточной Европы в Азию была заявлена и обоснована археологически достаточно веско в последние годы (появление в равнинном Дагестане носителей культуры шнуровой керамики индоевропейского типа с катакомбным обрядом погребений и признаками применения колесных повозок в результате распространения со стороны Юго-Восточной Европы в III—II тысячелетиях до н. э. трудно связывать с более поздней волной ираноязычных племен, документируемых в Передней Азии не ранее начала I тысячелетия до н. э.<sup>1</sup>), постольку примат знакомства

<sup>30</sup> Джаукян Г. Б. Этимологии. — Историко-филол. журнал АН Арм. ССР, 1965, № 1, с. 256.

<sup>31</sup> Там же.

<sup>32</sup> Trautmann, S. 285; Преображенский II, с. 379.

<sup>1</sup> Bosch-Gimpera P. The migration route of the Indo-Aryans. — The Journal of Indo-European studies, 1973, 1, p. 513 и сл.; Гаджиев М. Г. Дагестан и юго-восточная Чечня в эпоху средней бронзы. — В кн.: Древности Дагестана. Памяти Е. И. Крупнова. Махачкала, 1974, с. 14, 15 (изложение концепции Р. М. Мунчаева), 28; Котович В. Г., Котович В. М., Магомедов С. М. Утамышские курганы. — В кн.: Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980, с. 43, 54 (отражение в курганах Прикаспийского Дагестана обряда захоронений в катакомбах пришлых племен из Северо-Западного Прикаспия при наличии погребального сруба и саркофага на повозке: III—II тысячелетие до н. э.); Тегов В. В. Бронзовые молоточковидные булавки из Тлийского могильника. — Там же, с. 67 (индоевропейцы-катакомбники III—II тыс. до н. э. и потеснившие их на юг племена срубной культуры).